

АЛЕКСАНДРА ВЕТРОВА

ХОРОШИЕ

♥ девочки ♥

ТАК НЕ ДЕЛАЮТ

18+

Александра Ветрова

Хорошие девочки так не делают

<https://litres.ru/74442513>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она вошла в его квартиру, и дверь за её спиной закрылась с тихим, но таким окончательным щелчком. Внутри неё всё дрожало — не от страха, а от предвкушения, от того, что она наконец-то переступила черту, которую сама же и нарисовала много лет назад. Он стоял перед ней, молчаливый и тёмный, как ночь за окном, и его взгляд медленно скользил по её телу, раздевая её быстрее, чем её собственные руки.

От автора: Только для совершеннолетних! Книга является плодом моего воображения и моих фантазий, любые совпадения с реальными людьми совпадение.

Содержание

Глава 1. Правило номер один	4
Глава 2. Первый шаг в бездну	15
Глава 3. Послевкусие	28
Глава 4. Возвращение в клетку	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Хорошие девочки так не делают

Глава 1. Правило номер один

Она всегда знала, что в мире существует порядок. Не тот абстрактный, философский порядок, о котором рассуждают в университетских аудиториях, а самый что ни на есть бытовой, осязаемый. Порядок, выраженный в аккуратно сложенных стопках белья на полке, в идеально выверенном по минутам расписании дня, в тишине её маленькой, но безупречно чистой квартиры на окраине Москвы. Этот порядок был её убежищем, её личным щитом от хаоса, который, как ей казалось, кипел за пределами её уютного мирка. Она, Ева, всегда была «хорошей девочкой» — в школе, в университете, на работе. Она никогда не перечила родителям, всегда сдавала сессии вовремя и ни разу не позволяла себе даже опоздать на утреннюю планерку в издательстве. Её жизнь была похожа на каллиграфически выведенную строку, где каждая буква стояла на своём месте, а между словами были ровные, одинаковые пробелы.

Но в каждой тщательно выстроенной системе есть своя ахиллесова пята, маленькая трещина в броне. Для Евы этой трещиной стал её день рождения. Нет, она не была против

возраста или подарков, она просто не любила всю эту вынужденную суету, шумные компании и особенно — вечеринки, где все пытались казаться счастливее и свободнее, чем были на самом деле. Её подруги, две неисправимые романтические оптимистки, свято верили, что их миссия на этой земле — вытащить Еву из её «скорлупы». И в этот субботний вечер им это удалось. Они буквально силком затащили её в модный, пахнувший дорогим табаком и ванилью бар в центре города, который пульсировал приглушённым светом и тягучей, обволакивающей музыкой. Ева чувствовала себя неуютно в коротком чёрном платье, которое подруги настояли надеть, и в туфлях на шпильках, которые предательски жали, напоминая ей о том, что комфорт и красота — понятия редко совместимые.

Она стояла у барной стойки, рассеянно крутя в пальцах бокал с шампанским, которое уже успело нагреться от тепла её ладони. Искристые пузырьки лениво поднимались к поверхности, лопаясь с тихим, почти неслышным шипением. Вокруг неё кипела чужая, яркая, немного пугающая своей непосредственностью жизнь. Кто-то громко смеялся за соседним столиком, девушка с хищным макияжем настойчиво пыталась привлечь внимание бармена, а в углу, в полумраке, двое мужчин о чём-то спорили, жестикулируя и периодически прикладываясь к виски.

Ева уже собиралась найти подруг, чтобы сказать, что у неё разболелась голова и ей пора домой, в свою тихую, пред-

сказуемую гавань, как вдруг она почувствовала это. Даже не увидела, а именно почувствовала. Какое-то едва уловимое изменение в воздухе, лёгкое смещение электрического поля вокруг неё. Прямо за её спиной, на расстоянии вытянутой руки, возникла тяжелая, густая тишина. Такая тишина, в которой слышно только собственное сердцебиение. Она медленно обернулась.

Он стоял там, прислонившись плечом к колонне из матового стекла, и смотрел на неё. Не просто смотрел, а разглядывал, словно решал для себя, какую цену можно назначить за стоящий перед ним предмет искусства. Его глаза — темно-серые, почти чёрные в этом призрачном свете — были не просто внимательными, они были исследующими, проникающими куда-то под кожу, туда, где прячутся самые потаённые желания и страхи. Он был некрасивым в классическом смысле этого слова. Слишком резкие черты лица, словно высеченные из грубого камня, тяжелая, мощная челюсть, и прямой, чуть сломанный нос, который придавал его облику оттенок опасной, хищной привлекательности. Он был одет в простую, но ужасно дорогую на вид чёрную футболку, которая обтягивала широкие плечи и рельефную грудь, и тёмные брюки. В нём чувствовалась сила — не та, накачанная в тренажёрном зале, а какая-то первобытная, звериная, которая не нуждалась в доказательствах.

Ева замерла, как кролик перед удавом. Её рука, всё ещё сжимающая бокал, дрогнула, и несколько капель шампан-

ского пролилось на полированную стойку. Она хотела отвернуться, сделать вид, что не заметила его, но её тело, казалось, перестало ей подчиняться. Она не могла отвести взгляд. Секунду, две, три... И в этот момент бармен с улыбкой подвинул к ней новую порцию шампанского.

— От джентльмена, — сказал он, кивнув в сторону незнакомца.

Ева почувствовала, как к её щекам прилила горячая кровь. «Нет, нет, нет, — застучало у неё в голове. — Только не это. Не сегодня. Я здесь случайно, и я ухожу». Она глубоко вздохнула, пытаясь вернуть себе контроль над ситуацией, тот самый порядок, который так старательно выстраивала годами. Она не принимала напитки от незнакомцев. Это было одно из её негласных, но железных правил.

Она снова повернулась к нему, намереваясь вежливо, но твёрдо отказаться, но его взгляд уже скользнул по её лицу, задержался на её губках, чуть приоткрытых от волнения, и опустился ниже, на тонкую полоску кружева, виднеющуюся в вырезе платья. В этом взгляде не было ни капли пошлости или наглости, а была... собственническая, спокойная уверенность. Он знал, что она не откажется. И это знание, эта тихая, непоколебимая уверенность, раздражала её до глубины души.

Вместо того чтобы просто отмахнуться, Ева, подчиняясь какому-то странному, разрушительному импульсу, взяла бокал. Холодное стекло обожгло пальцы. Она поднесла его к

губам и сделала маленький глоток. Игристое вино обожгло горло, разливаясь внутри колючим теплом.

— Я настаиваю на том, чтобы вы попробовали, — раздался позади неё низкий, с хрипотцой голос. Он был таким же плотным и густым, как тишина, которую он создавал. — А не просто пригубили, чтобы потом поставить бокал и сбежать.

Ева вздрогнула. Он стоял за её спиной, так близко, что она чувствовала исходящий от него жар и запах — горьковатый, терпкий, смесь дорогого одеколона, табака и чистого мужского пота. Этот запах ударил в голову сильнее, чем шампанское.

— Я не пью с незнакомцами, — сказала она, и голос её прозвучал на удивление ровно, хотя внутри всё дрожало от странного, незнакомого волнения.

— Правильное правило, — кивнул он, и в его голосе проскользнула едва заметная усмешка. — Но я же не предлагаю вам выпить со мной. Я предлагаю вам принять подарок. А в ответ... — он на секунду замолчал, и она почувствовала его горячее дыхание на своей шее, отчего по спине пробежал табун мурашек. — В ответ я прошу вас просто постоять со мной минуту.

Она медленно повернулась к нему лицом. Теперь она могла рассмотреть его лучше. Глубокие морщинки у глаз, которые появляются от долгих, пристальных взглядов, и тонкая, почти незаметная линия шрама, рассекающая его бровь. Он был старше её, лет на десять, а может, и все пятнадцать.

Но в этом возрасте чувствовалась не старость, а выверенная, опасная зрелость, та, что приходит только с опытом.

— Минуту, — повторила она эхом, чувствуя себя полной душой. Она всегда умела отшивать мужчин, всегда находила нужные слова, но сейчас все они вылетели у неё из головы.

— Одну минуту, — подтвердил он. — А потом, если вы захотите, вы вернётесь к своим подругам, а я исчезну. Я просто хочу посмотреть на вас. Вот так.

И он снова посмотрел на неё. Но теперь его взгляд был другим — более глубоким, более интимным. Он разглядывал её, как разглядывают дорогой и редкий цветок, который вот-вот расцветёт. Ей казалось, что этот взгляд обжигает, проникает под платье, ласкает кожу, заставляет сердце биться где-то в горле. Она стояла и не могла пошевелиться. Прошло тридцать секунд, минута, может быть, две. Она слышала его дыхание — ровное, спокойное, абсолютно уверенное в своей правоте. Она слышала, как гулко стучит её собственное сердце, и этот бешеный ритм казался ей оглушительным.

— Вам нравится быть хорошей девочкой? — вдруг спросил он, нарушая тишину.

Вопрос был настолько неожиданным, что она растерялась.

— Что? — переспросила она.

— Хорошей, правильной, удобной, — продолжил он, и в его голосе послышались стальные нотки. — Жить по правилам, быть пайнкой, не делать глупостей. Вам правда это нравится?

— Я... — начала она, но он перебил её.

— Не отвечайте, — сказал он, поднося палец к её губам. Его прикосновение было лёгким, почти невесомым, но Еве показалось, что её тело пронзило разрядом тока. — Я вижу ответ в ваших глазах. Они так отчаянно кричат: «Я хочу нарушить все правила!». Но голос тихо шепчет: «Будь умницей, Ева».

— Откуда вы знаете моё имя? — выдохнула она, чувствуя, как мир вокруг неё начинает плыть, терять свои чёткие очертания.

— Я много чего о вас знаю, — улыбнулся он, и в его улыбке промелькнула та самая хищная, опасная красота. — Например, я знаю, что вы никогда не занимались сексом с незнакомцем. И что на лбу у вас написано: «Хорошие девочки так не делают». А ещё я знаю... — он наклонился ещё ближе, и его губы коснулись мочки её уха, отчего по телу разлилась обжигающая волна желания. — Я знаю, что эта хорошая девочка на самом деле мечтает о том, чтобы кто-то сильный пришёл и сжёг все её правила дотла. Мечтает почувствовать себя не хозяйкой своей жизни, а... игрушкой в чужих, твёрдых руках. Я прав?

Это было слишком лично, слишком правдиво и слишком страшно. То, о чём она боялась признаться даже самой себе в тёмные, бессонные ночи, когда её пальцы сами тянулись под одеяло, а в голове крутились запретные, полные власти и подчинения, фантазии. Он видел её насквозь. Он читал её,

как открытую книгу, и это было унижительно, и в то же время невероятно, ошеломляюще возбуждающе.

— Вы ошибаетесь, — выдавила она, но голос её предательски дрогнул. — Я не такая. Я...

— Нет, — тихо и властно сказал он. — Ты такая. Я вижу это по тому, как ты смотришь на меня, когда думаешь, что я не вижу. Как ты облизываешь губы. Как твои зрачки расширены. Не играй со мной, маленькая. Ты не умеешь лгать.

Она замерла, ошеломлённая его напором. Он говорил с ней на «ты», словно они были знакомы тысячу лет. И это «ты» прозвучало так естественно, так правильно, что она даже не возмутилась. Слишком велико было ошеломление, слишком сильно было наваждение.

— Что ты хочешь? — прошептала она, сама испугавшись своего голоса — сдавленного, хриплого, полного желания.

— Я хочу, чтобы ты взяла этот бокал, — сказал он, кивая на шампанское, — допила его до дна. И пошла со мной. Прямо сейчас.

— Я не могу, — сказала она, но это «не могу» прозвучало скорее как «я хочу, но боюсь». — У меня подруги.

Он усмехнулся, и от этой усмешки у неё пересохло в горле.

— Я отвезу тебя обратно к утру. У тебя будет одна ночь. Одна ночь без правил, без твоего «правильно» и «нельзя». Одна ночь, где ты будешь не Евой, хорошей девочкой, а просто женщиной. Женщиной, которая хочет чувствовать.

Он замолчал, давая ей время осознать сказанное. Внутри неё боролись два человека. Одна, благоразумная Ева, в панике кричала: «Беги! Это ошибка! Это разрушит всё!». Другая, та, которую она прятала глубоко внутри, дрожала от предвкушения. Она слышала грохот собственного сердца, чувствовала, как набухают соски от возбуждения, как между ног разливается тягучее, влажное тепло. Ей хотелось, чтобы он продолжал говорить, продолжать смотреть на неё этим собственническим, жадным взглядом, продолжать диктовать свои условия. Ей хотелось узнать, что значит быть сломленной, быть подчинённой, быть не хозяйкой своей жизни, а... его вещью.

— Ты боишься, — сказал он, и в голосе его не было насмешки, только спокойная констатация факта. — Это нормально. Я не обещаю тебе нежности. Не буду врать, что это будет сладко. Это будет грубо. Это будет честно. Тебе придётся слушаться меня. Выполнять всё, что я скажу. Ты ведь мечтала об этом, Ева? Мечтала, чтобы кто-то взял на себя ответственность. Чтобы ты могла, наконец, просто быть, а не принимать решения. Я прав?

Она не могла говорить. Она могла только кивать. И она кивнула. Едва заметно, почти неувидимо, но он это увидел.

— Тогда выпей, — приказал он, и в его голосе зазвенела непреклонная власть, от которой у неё подкосились ноги.

Ева, не отрывая от него взгляда, поднесла бокал к губам и осушила его залпом. Холодная, острая кислота шампанского

обожгла горло, но она почти не почувствовала вкуса. Она чувствовала только его глаза, которые буравили её, лишая воли, стирая личность, превращая в чистую, первобытную потребность.

Он протянул ей руку. Крупную, с широкой ладонью, с длинными сильными пальцами, которые, она была уверена, могли быть и нежными, и жестокими одновременно.

— Пойдём, — сказал он.

И она, Ева, правильная и примерная девочка, которая никогда не позволяла себе лишнего, которая боялась даже громко чихнуть не по правилам, вложила свою дрожащую руку в его руку. Она переступила через все свои принципы, через все свои страхи, через все свои «нельзя». Она переступила через самое себя.

В ту же секунду она поняла, что эта ночь изменит её навсегда. Что бы ни случилось потом, возврата в её уютную, стерильную жизнь, полную порядка, уже не будет. Она добровольно шагнула в пропасть, держась за руку человека, чьего имени она даже не знала. И от этого шага у неё захватывало дух. От этого шага у неё внутри всё трепетало от предвкушения той бури, которую он обещал.

Она не знала, как его зовут. Она не знала, куда он её ведёт. Но она знала одно: там, куда она идёт, ей придётся забыть о том, что «хорошие девочки так не делают». И этот маленький бунт против самой себя казался ей сейчас самым прекрасным, что случалось с ней за всю её тридцатилетнюю

жизнь.

Он крепко сжал её пальцы, и она почувствовала, как его пульс, ровный и сильный, отдаётся в её ладони. Она чувствовала его, его запах, его жар, его силу. И она знала: эта ночь, полная запретов, только начинается.

Глава 2. Первый шаг в бездну

Они вышли из бара, и ночной воздух ударил в лицо влажной прохладой, смешанной с запахами мокрого асфальта и городской пыли. Москва жила своей привычной ночной жизнью — где-то вдалеке гудели машины, у входа в соседний ресторан громко смеялась компания, а над головой, в разрывах между облаками, тускло мерцали одинокие звёзды. Ева сделала глубокий вдох, пытаясь собраться с мыслями, но его рука всё ещё сжимала её ладонь — крепко, уверенно, не оставляя ей ни малейшего шанса на побег. Она чувствовала, как его большой палец медленно поглаживает её запястье, нащупывая бешено бьющийся пульс, и от этого прикосновения по телу разливалась липкая, тягучая дрожь.

— Как тебя зовут? — вдруг спросила она, когда они остановились у тёмного, блестящего внедорожника. Ей показалось абсурдным идти с незнакомцем, не зная даже его имени. Это было последним якорем, за который она цеплялась, пытаясь сохранить остатки здравого смысла.

Он обернулся, и в свете уличного фонаря его лицо показалось ей вырезанным из мрамора — резкое, красивое в своей хищной неправильности. Его глаза на секунду потеряли стальной блеск, и в них промелькнуло что-то похожее на лёгкую, снисходительную насмешку.

— Тебе правда это важно? — спросил он, и его голос про-

звучал ниже, чем в баре, словно на улице он позволял себе больше интимности. — Сейчас, когда мы стоим у моей машины, и ты уже приняла решение идти со мной. Моё имя ничего не изменит. Но если тебе так нужно... Меня зовут Андрей.

Она повторила про себя это имя, пытаясь примерить его к этому человеку. Андрей. Обычное, простое имя, которое совершенно не вязалось с тем хищным, почти мифическим существом, которое держало её за руку. Но в его устах оно звучало по-другому — тягуче, властно, словно он бросал ей вызов.

— Андрей, — тихо произнесла она, пробуя его имя на вкус.

— Да, — усмехнулся он, открывая перед ней дверцу машины. — Садись.

Ева покорно шагнула в салон, и её встретил запах дорогой кожи и чего-то мужского, острого, пряного. Внутри автомобиля было просторно и тихо — звуки города исчезли, как только захлопнулась дверь, оставляя её наедине с ним и с оглушительным стуком собственного сердца. Он сел за руль, и она заметила, как его пальцы, длинные и сильные, легко легли на руль, словно он привык управлять не только машиной, но и людьми вокруг себя.

— Пристегнись, — сказал он, даже не глядя на неё. Это был не вопрос и не просьба — это был приказ, произнесённый спокойным, ровным тоном, который не терпел возраже-

ний.

Ева потянулась к ремню, и её руки дрожали так сильно, что она с трудом справилась с пряжкой. Андрей наблюдал за её неуклюжими движениями краем глаза, и на его губах застыла лёгкая, едва заметная улыбка. Он не торопил её, он просто ждал, давая ей возможность привыкнуть к мысли, что она больше не контролирует ситуацию. Когда щелчок ремня раздался в тишине салона, он завёл двигатель, и мощный мурлыкающий звук заполнил пространство.

— Куда мы едем? — спросила Ева, и её голос прозвучал хрипло, будто она долго молчала или кричала.

— Ко мне, — коротко ответил Андрей, выруливая с парковки на ночную улицу. — У меня квартира в центре. До неё двадцать минут. Ты успеешь передумать раз десять, но я не дам тебе сбежать.

— А если я всё же захочу сбежать? — спросила она, чувствуя, как внутри неё поднимается волна странного, почти истерического веселья. Она сама не понимала, что говорит, но это ощущение собственной смелости, собственного безумия пьянило её сильнее, чем всё выпитое шампанское.

Андрей резко повернул голову и посмотрел на неё. Его взгляд был тяжёлым, пронизывающим, и в нём она не увидела ни тени сомнения или неуверенности.

— Если ты захочешь сбежать, я тебя остановлю, — сказал он, и в его голосе послышалась твёрдая, холодная сталь. — Но ты не захочешь. Потому что ты хочешь этого больше,

чем боишься. Ты всю свою сознательную жизнь боялась. Боялась сделать шаг, боялась ошибиться, боялась быть собой. Сегодня я даю тебе разрешение не бояться. Прямо здесь и сейчас ты можешь быть любой. Ты можешь кричать, ты можешь плакать, ты можешь умолять. Я не осужу тебя за это. Я не отвернусь.

Его слова падали на неё, как тяжёлые камни, каждый из которых разбивал очередной слой её брони. Она смотрела на профиль его лица, на то, как напрягается его челюсть, как играют желваки под скулами, и понимала, что он не врёт. Он действительно готов был принять любую её эмоцию, любой её порыв, даже самый тёмный и постыдный. И это было страшно и облегчающе одновременно.

— А что будешь делать ты? — тихо спросила она, и в этом вопросе прозвучало столько отчаянного детского любопытства, что Андрей едва заметно улыбнулся.

— Я буду делать то, что захочу, — ответил он просто, пожав плечами. — Это моё правило. Ты, Ева, сегодня будешь моей вещью. Моей игрушкой. Ты будешь делать то, что я скажу, и это не обсуждается. Если тебе станет плохо или больно — ты скажешь мне стоп-слово. Ты знаешь, что это такое?

Она кивнула, но он не удовлетворился этим. Он протянул руку и взял её подбородок, повернув её голову к себе. Его пальцы были горячими, чуть шершавыми, и от их прикосновения её дыхание сбилось.

— Скажи мне, Ева. Какое будет стоп-слово? — спросил

он, и в его голосе прозвучала непреклонная настойчивость.

— Красный, — выдохнула она, вспомнив случайно прочитанную когда-то статью. — Красный цвет.

— Хорошо, — одобрительно кивнул он, и его большой палец провёл по её нижней губе, заставив её вздрогнуть от неожиданного, острого удовольствия. — Запомни: ты говоришь «красный», и всё останавливается. Без вопросов. Я не хочу причинять тебе боль, Ева. Я хочу сломать твои правила, но я не хочу сломать тебя. Это разные вещи. Ты понимаешь?

— Да, — прошептала она, чувствуя, что её глаза начинают наполняться слезами — непонятно от страха, от облегчения или от того, что кто-то наконец-то поставил её в такие чёткие, прозрачные рамки, где ей не нужно было думать и принимать решения.

— Не плачь, — сказал он, убирая руку и снова переключая внимание на дорогу. — Ты пожалеешь, что потратила время на слёзы. У нас впереди ночь, и она будет долгой. Я хочу, чтобы ты запомнила каждое мгновение.

Они ехали в молчании, и это молчание было наполнено до краёв — электричеством, ожиданием, густым, почти осязаемым напряжением. Ева смотрела в окно на проплывающие огни города, но ничего не видела. Она чувствовала только его присутствие, его запах, который заполнял весь салон, его руки, лежащие на руле, и то, как спокойно и уверенно он вёл машину, словно вёл её саму — по дороге, по которой она никогда раньше не ходила.

Когда внедорожник остановился перед высотным зданием в одном из тихих, дорогих переулков, Ева почувствовала, как у неё пересохло в горле. Андрей вышел первым, открыл её дверцу и протянул руку, помогая ей выбраться из машины. Его пальцы снова сжали её ладонь, и это прикосновение было единственным якорем в этом новом, пугающем мире.

— Идём, — коротко сказал он, и она послушно пошла за ним.

В лифте, сверкающем зеркалами и хромом, она увидела их отражение. Он — высокий, широкоплечий, в чёрном, с собранной, спокойной силой, исходящей от каждого его жеста. Она — маленькая, бледная, с растрёпанными волосами, с огромными испуганными глазами, стоящая рядом с ним, словно дрожащая лань рядом с волком. От этой картинки у неё перехватило дыхание.

— Красивая пара, — тихо сказал Андрей, перехватив её взгляд в зеркале. — Ты очень красивая, когда испугана, Ева. В тебе столько жизни, столько огня, что я удивляюсь, как ты ещё не сгорела от собственной правильности.

Она хотела что-то ответить, но двери лифта открылись, и он, взяв её за руку, вывел её на просторную площадку, где была только одна дверь — массивная, деревянная, с бронзовой ручкой. Андрей открыл замок, и Ева переступила порог его квартиры.

Это было не жилое помещение — это был храм тишины и порядка. Огромная гостиная с панорамными окнами, через

которые лился прозрачный свет ночного города, с идеально ровными линиями мебели, с тёмным деревом и серым камнем, с которой не было ни одной лишней вещи, ни одного случайного предмета. Идеальная, выверенная пустота. Здесь всё было подчинено его воле, как и она сама несколько часов назад.

Андрей закрыл дверь, и звук замка, щёлкнувшего за её спиной, прозвучал как финальный аккорд. Она была заперта. Она была в его власти. И от этой мысли у неё подкосились ноги.

— Раздевайся, — сказал он, поворачиваясь к ней. Его голос был ровным, спокойным, но в нём чувствовалась нестигаемая сталь. — Медленно. Не торопись. Я хочу смотреть на тебя.

Ева замерла, чувствуя, как краска заливает её щёки, грудь, шею. Она никогда не раздевалась перед мужчиной при свете, никогда не давала ему такую власть над собой. Но он ждал. Он стоял в двух шагах от неё, сложив руки на груди, и его взгляд — тяжёлый, внимательный, требовательный — не оставлял ей выбора.

Её пальцы дрожали, когда она потянулась к молнии на платье. Звук раздвигающегося металла показался ей оглушительным. Платье медленно сползло с её плеч, обнажая сначала ключицы, потом грудь, стянутую кружевным лифчиком, потом тонкую талию. Она стояла перед ним в одном белье, чувствуя себя совершенно голой, хотя на ней ещё оста-

вались тонкие полоски ткани.

— Хорошо, — сказал он, и в его голосе послышалась одобрительная, низкая нота, от которой по её телу пробежала горячая дрожь. — Ты красивая, Ева. Твоё тело словно создано для того, чтобы его ласкали. Но сегодня я не буду тебя ласкать. Сегодня ты будешь ласкать меня.

Он подошёл к ней, и она почувствовала, как его дыхание касается её затылка. Его руки легли ей на плечи — твёрдые, уверенные, они сжимались с такой силой, что она понимала: он мог бы сделать больно, если бы захотел. Но он не хотел. Он хотел показать ей, что она принадлежит ему.

— Встань на колени, — приказал он, и его голос стал ниже, почти шёпотом.

Ева опустилась на колени, чувствуя, как тёплый, мягкий ковёр касается её голых ног. Она подняла на него взгляд, и в её глазах застыл немой вопрос. Андрей посмотрел на неё сверху вниз — огромный, властный, неумолимый.

— Я хочу, чтобы ты запомнила это ощущение, — сказал он, проведя рукой по её волосам и сжав их в кулак, заставляя её запрокинуть голову. — Ощущение, когда ты не командуешь, а подчиняешься. Когда ты делаешь не то, что хочешь, а то, что тебе говорят. Тебе это нравится, Ева? Нравится быть на коленях перед мужчиной?

— Да, — выдохнула она, и это признание вырвалось из неё помимо её воли. Она не хотела этого говорить, но правда была сильнее её.

— Я знал, — усмехнулся он и отпустил её волосы, чтобы расстегнуть ширинку. — Открой рот.

Она послушно приоткрыла губы, и он медленно, с наслаждением, взял её за затылок и направил её голову туда, куда хотел. Его член был твёрдым, горячим, и когда он коснулся её губ, она почувствовала его вкус — солёный, мужской, волнующий до глубины души.

— Начинай, — сказал он, и его голос дрогнул, впервые потеряв свою ледяную уверенность. — Медленно. Я хочу чувствовать каждое твоё движение.

Ева начала двигаться, чувствуя, как он наполняет её рот, как его пальцы сжимаются в её волосах, управляя ею. Она слышала его дыхание — неровное, учащённое, и этот звук возбуждал её сильнее, чем любые слова. Она видела, как напрягаются его бёдра, как каменеют мышцы пресса, и понимала, что даже этот могущественный, непоколебимый мужчина поддаётся её ласкам. Это знание давало ей странную, извращённую власть — власть, которую она могла использовать только с его разрешения.

Она водила языком по его стволу, чувствуя, как набухают вены, как его член становится твёрже с каждым её движением. Она брала его глубже, насколько могла, пока он не коснулся её горла, и тогда она услышала его низкий, рваный стон.

— Чёрт, — выдохнул он, и его пальцы в её волосах сжались сильнее. — Ты делаешь это так, будто всю жизнь толь-

ко и ждала этого момента. Так, будто ты создана для того, чтобы стоять на коленях.

Она почувствовала, как внутри неё разливается горячая, пульсирующая волна возбуждения. Его слова, его грубоватый шёпот, его руки — всё это заставляло её тело трепетать. Она почувствовала, как между ног становится влажно, как клитор начинает набухать и пульсировать в такт её движениям. Она хотела прикоснуться к себе, облегчить это сладкое, мучительное напряжение, но он перехватил её руку, когда она потянулась вниз.

— Нет, — сказал он, и в его голосе зазвенела сталь. — Ты не прикоснёшься к себе. Ты будешь кончать только тогда, когда я разрешу. И только от того, что я тебе дам. Ты поняла?

— Да, — прошептала она, и в этом «да» звучало столько покорности и желания, что он одобрительно провёл рукой по её щеке.

— Умница, — сказал он, и это слово, сказанное таким тоном, стало для неё наградой. Он снова направил её голову к себе, и она продолжила свои ласки, теперь ещё более усердно, ещё более жадно, пытаясь заслужить его одобрение.

Он стонал всё громче, и она чувствовала, как его тело дрожит, как его бёдра начинают двигаться навстречу её рту. Она ускорила темп, чувствуя, как он всё глубже проникает в её горло, как его член пульсирует, готовый излиться.

— Ещё, — хрипел он, сжимая её волосы. — Не останавливайся.

Она чувствовала, как нарастает напряжение, как его дыхание становится прерывистым, как его пальцы впиваются в её затылок, почти до боли. И когда он кончил, она почувствовала, как горячая, солёная жидкость заливает её рот, как она заполняет горло, и она проглотила её, не раздумывая, потому что он этого хотел.

Андрей медленно вышел из неё, и она осталась стоять на коленях, задыхаясь, с влажными губами и расширенными зрачками. Он посмотрел на неё сверху вниз, и на его лице появилась та самая хищная, опасная улыбка.

— Отлично, — сказал он, присаживаясь перед ней на корточки и беря её лицо в свои ладони. — Ты хорошо справилась. Теперь поднимись.

Она встала на ватные ноги, и он подхватил её, прижав к себе. Его руки скользнули по её спине, расстёгивая лифчик. Он опустил его на пол, и теперь она стояла перед ним полностью обнажённая, чувствуя, как его взгляд скользит по её груди, по соскам, которые затвердели от холода и возбуждения.

— Ложись на диван, — приказал он, указывая на огромный, мягкий диван у панорамного окна. — На спину. Раздвинь ноги.

Ева подошла к дивану и легла, чувствуя, как кожа касается прохладного велюра. Она медленно развела бёдра, открывая себя для него, и чувствуя, как её киска блестит от влаги в призрачном свете города.

Андрей медленно приблизился к ней, опускаясь на колени перед диваном. Его глаза были прикованы к её телу, к её влажным, раскрытым губам, к пульсирующему, набухшему клитору. Он не торопился, он просто смотрел, и от этого взгляда ей казалось, что она горит заживо.

— Ты такая мокрая, — сказал он, и его голос прозвучал низко, хрипло, с откровенным, нескрываемым вождением. — Ты вся течёшь, Ева. Ты хочешь, чтобы я тебя трахнул?

— Да, — выдохнула она, и это слово прозвучало как мольба. — Пожалуйста.

— Нет, — усмехнулся он, проведя пальцем по её клитору, заставляя её тело выгнуться дугой. — Сначала я хочу посмотреть, как ты кончаешь от моего языка. Я хочу почувствовать твой вкус на своих губах. Я хочу услышать, как ты кричишь.

Он наклонился, и его горячий язык коснулся её клитора — медленно, тягуче, проводя по нему от основания до самой верхушки. Ева вскрикнула, чувствуя, как острая волна удовольствия пронзает её снизу доверху. Он ласкал её языком, обводя круги, посасывая, покусывая, заставляя её тело извиваться, умолять, почти плакать.

— Пожалуйста, — шептала она, вцепившись пальцами в его волосы. — Пожалуйста, не останавливайся.

Он ускорил темп, проникая языком внутрь, лаская её изнутри, одновременно массируя клитор большим пальцем. Ева чувствовала, как оргазм нарастает, как всё её тело сжи-

мается в тугой узел, как она теряет контроль над собой.

— Кончай, — приказал он, и его голос прозвучал как приказ, который невозможно послушаться.

И она кончила, чувствуя, как волна удовольствия заливает её с головой, как она кричит, выгибаясь на диване, как её тело содрогается в судорогах оргазма, а его язык продолжает ласкать её, растягивая удовольствие, делая его бесконечным.

Когда она, обессиленная, рухнула на диван, Андрей поднялся над ней, стирая влагу с губ.

— Это было только начало, — сказал он, и в его голосе звучала опасная, сладкая угроза. — Хорошие девочки так не делают, Ева. Но ты больше не хорошая девочка. Ты моя.

Он навис над ней, раздвигая её ноги коленями, и она почувствовала, как его твёрдый, влажный член касается её входа. Он вошёл в неё медленно, глубоко, заполняя её до самого основания, и она застонала, чувствуя, как он растягивает её, как заполняет всё пространство внутри неё.

— Теперь ты моя, — прошептал он, начиная двигаться внутри неё, медленно, глубоко, размашисто. — Помни об этом.

И в этой темноте, в этом городе, который простирался за окном, она чувствовала себя разбитой, сломленной и абсолютно, до безумия свободной.

Глава 3. Послевкусие

Она проснулась оттого, что чьи-то пальцы медленно, лениво скользили по её позвоночнику, спускаясь от основания шеи до самого низа, туда, где её тело ещё хранило влажное, пульсирующее тепло прошедшей ночи. Открывать глаза не хотелось — было слишком хорошо в этом полусне, где граница между реальностью и сном стиралась, оставляя только ощущение его руки на своей коже. Ева прислушивалась к собственному дыханию, к тому, как её грудь мерно поднимается и опускается, и к тому, как его пальцы, чуть шершавые, уверенные, выписывают на её спине невидимые узоры, каждый из которых отдаётся в низу живота тёплой, тягучей дрожью.

Но реальность настойчиво врывается в эту идиллию. Где-то вдалеке гудел проснувшийся город, в окно пробивался мутный, серый свет московского утра, и воздух в комнате пах уже не ночной страстью, а чем-то горьковатым, отдалённо напоминающим кофе и его кожу. Ева медленно приоткрыла глаза, и первое, что она увидела, — его грудь. Широкую, рельефную, с тёмными, чуть выющимися волосками, которые спускались от груди к животу, к белой простыне, небрежно прикрывающей его бёдра. Он лежал на боку, опершись головой на руку, и смотрел на неё. Не так, как вчера — хищно, требовательно, испепеляя взглядом. Сейчас он рас-

смастривал её с лёгкой, почти отстранённой задумчивостью, словно оценивая утреннюю добычу.

— Доброе утро, — сказал он, и его голос, низкий, с хрипотцой, показался ей ещё более интимным, чем ночные приказы. — Ты спала как убитая. Я думал, ты не проснёшься до обеда.

Ева попыталась улыбнуться, но губы её дрожали. Она почувствовала, как всё её тело ноет — тупая, сладкая боль в бёдрах, внизу живота, даже в запястьях, которые он сжимал вчера, когда брал её жёстко, с той первобытной, собственнической силой. Она вспомнила его язык на своём клиторе, его член, заполняющий её до основания, его руки, безжалостно сжимающие её груди, его шёпот в ухо: «Ты моя». Воспоминания нахлынули горячее, мучительной волной, и она почувствовала, как кровь снова приливает к щекам, к груди, к тому месту, которое всё ещё пульсировало от вчерашних ласк.

— Сколько времени? — спросила она, пытаясь привстать, но он легко положил ладонь ей на плечо, удерживая на месте.

— Неважно, — ответил он, и в его голосе послышалась знакомая стальная нотка. — У тебя нет расписания. Не сегодня. Ты забыла? Мы договаривались — одна ночь. А сейчас утро. Но ночь ещё не совсем закончилась.

Он наклонился к ней, и его горячее дыхание коснулось её губ. Ева закрыла глаза, чувствуя, как его язык медленно, лениво проникает в её рот, как он целует её глубоко, властно, забирая последние остатки её сопротивления. Она отвечала

на поцелуй, запуская пальцы в его короткие, жёсткие волосы, притягивая его к себе, чувствуя, как его твёрдый член упирается в её бедро. Её тело откликалось мгновенно, забыв о боли, о сомнениях, забыв о том, что она «хорошая девочка», которая должна сейчас встать, принять душ и вернуться в свою правильную жизнь.

— Ты хочешь ещё? — спросил он, отрываясь от её губ и глядя ей прямо в глаза. Его зрачки расширились, в них горел голодный, дикий огонь. — Скажи мне, Ева. Скажи это вслух.

— Хочу, — прошептала она, и в этом шёпоте не было ни капли стыда. Она хотела. Она хотела его грубости, его власти, его тела. Хотела, чтобы он снова подчинил её, превратил в свою игрушку.

Андрей усмехнулся, и эта усмешка была тёмной, опасной, полной предвкушения.

— Тогда перевернись, — приказал он, и его голос снова стал низким, властным. — На живот. Я хочу взять тебя сзади. Сейчас я буду трахать твою попку.

По телу Евы побежали мурашки. Она никогда не делала этого раньше. Мысль о том, чтобы принять его туда, казалась пугающей и в то же время невероятно возбуждающей. Она чувствовала, как внутри неё разливается горячее, влажное предвкушение, как её киска сжимается от одной только фразы. Она медленно перевернулась, ложась лицом в подушку, и чувствуя, как он пододвигается к ней сзади, как его руки ложатся на её ягодицы, сжимая их, раздвигая.

— Расслабься, — сказал он, и в его голосе появилась та странная, почти нежная настойчивость, которую она слышала только тогда, когда он давал ей задания. — Я не хочу делать тебе больно. Но я хочу, чтобы ты чувствовала. Каждое движение. Каждую секунду.

Он прикоснулся пальцем к её анусу, смазанному чем-то скользким, прохладным — она не заметила, когда он взял смазку. Его палец медленно нажал, проникая внутрь, и Ева вздрогнула, чувствуя неожиданное, глубокое проникновение. Это было странное ощущение — чужое, плотное, идущее туда, куда никогда раньше не проникал никто. Она затаила дыхание, но он двигался медленно, давая ей привыкнуть, массируя стенки изнутри, пока её дыхание не стало ровным, а напряжение не сменилось тягучим, томным удовольствием.

— Хорошо, — прошептал он, добавляя второй палец. — Ты такая узкая, Ева. Такая горячая внутри. Я чувствую, как ты сжимаешь мои пальцы. Это возбуждает меня.

Она застонала, уткнувшись лицом в подушку, чувствуя, как его пальцы двигаются в ней, расширяя, подготавливая. Её тело плавилось, таяло от этих движений, от его голоса, от ощущения, что она полностью в его власти. Она слышала, как шуршит простыня, как он пристраивается сзади, упираясь головкой своего члена в её подготовленное отверстие.

— Сейчас я войду, — сказал он, и его голос дрогнул, впервые показывая, что он тоже на пределе. — Дыши медленно

и выдыхай.

Она сделала глубокий вдох, и в тот момент, когда она выдохнула, он вошёл в неё. Медленно, сантиметр за сантиметром, заполняя её тесное, горячее нутро. Ева почувствовала, как её тело растягивается, принимая его, как боль смешивается с удовольствием, переходя в острое, почти невыносимое наслаждение. Она закричала, но не от боли — от избытка ощущений, от того, как он заполнял её полностью, до самого основания, касаясь тех мест, о существовании которых она не подозревала.

— Ты принимаешь меня, — хрипел он, начиная двигаться, медленно, глубоко, ритмично. — Ты такая узкая, такая тугая. Я чувствую, как ты сжимаешь меня. Это невероятно. Ева, ты чувствуешь, какой я?

— Да, — выдохнула она, чувствуя, как его член скользит в ней, как его бёдра ударяются о её ягодицы, как его пальцы впиваются в её бока. — Да, Андрей, не останавливайся.

Он ускорил темп, входя всё глубже, и каждый толчок отдавался в ней горячей, пульсирующей волной. Она чувствовала, как её клитор трётся о простыню, и это трение усиливало её возбуждение, поднимая её к вершине. Она слышала его тяжёлое дыхание, его стоны, его низкие, хриплые слова: «Ты моя, Ева. Ты полностью моя. Скажи это».

— Я твоя, — повторяла она, чувствуя, как оргазм нарастает внутри неё, как сжимаются мышцы вокруг его члена, как он продолжает толкаться в неё, не давая ей отдохнуть.

— Я твоя, Андрей. Только твоя.

Он сделал ещё несколько глубоких, размашистых толчков, и она почувствовала, как его тело напряглось, как он кончает внутри неё, изливаясь горячей, пульсирующей струёй. В тот же миг её накрыла вторая волна оргазма — более сильная, более глубокая, чем та, что была ночью, и она закричала, чувствуя, как её тело содрогается в долгих, сладких судорогах.

Они лежали, тяжело дыша, прижавшись друг к другу. Андрей медленно вышел из неё и лёг на спину, притягивая её к себе. Ева уткнулась носом в его грудь, чувствуя, как его сердце бьётся ровно и сильно, как он поглаживает её по волосам.

— Ты очень смелая, — сказал он, и в его голосе не было насмешки, только спокойное, тёплое уважение. — Ты сделала то, чего никогда не делала, и ты не испугалась. Это достойно уважения.

Она молчала, переваривая эти слова, чувствуя себя одновременно разбитой и переполненной. Через некоторое время она подняла голову и посмотрела на него:

— Это была наша ночь? Одна ночь?

Он усмехнулся, и в его глазах снова зажглась та хитрая, опасная искра.

— Мы договорились на одну ночь, — сказал он. — Но утро — это уже часть следующего дня. Сделка выполнена. Ты свободна. Но, — он сделал паузу, и его пальцы сжали её

плечо, — если ты захочешь повторить, ты знаешь, где меня найти.

Он протянул руку к тумбочке и достал визитку — белую, без единого украшения, только имя «Андрей» и номер телефона.

— Возьми, — сказал он, вкладывая карточку в её ладонь. — Это не обязательно. Но если правила твоей жизни снова станут слишком тесными — позвони. Я не обещаю нежности. Я обещаю честность. И я обещаю, что тебе не будет скучно.

Ева сжала визитку в ладони, чувствуя, как шершавый край картона касается её кожи. Она не знала, возьмёт ли она трубку, не знала, решится ли позвонить, но уже сейчас, внутри неё, зарождалось тихое, настойчивое «да».

— Я подумаю, — сказала она, поднимаясь с кровати. Её ноги дрожали, но она заставила себя идти в ванную.

Когда она стояла под горячими струями душа, смывая с себя запах его тела, она смотрела на визитку, которая лежала на полке, и чувствовала, как внутри неё разрастается странная, опасная надежда. Она вышла из квартиры Андрея, не оглядываясь, и когда захлопнулась дверь, она услышала, как щёлкнул замок, — и этот звук показался ей началом, а не концом.

Она села в такси, назвала адрес своего дома, и всю дорогу смотрела в окно на проплывающие улицы, сжимая в руке карточку. Она вернулась в свою стерильную, идеально чи-

стую квартиру, где всё стояло на своих местах, где ждал её привычный порядок, и поняла, что этот порядок больше не имеет для неё значения. Она рухнула на кровать, чувствуя, как её тело всё ещё помнит каждое его прикосновение, и достала телефон.

Её палец замер над экраном, набирая номер, который она только что запомнила наизусть. Она не нажала «вызов», нет. Она просто смотрела на цифры, повторяя их про себя, и знала — она позвонит. Может быть, не сегодня, может быть, через день, но она позвонит. Потому что слишком хорошо помнила вкус свободы, чтобы отказаться от него.

Она отложила телефон, закрыла глаза и позволила себе вспомнить каждое мгновение прошедшей ночи — его руки, его голос, его власть. И улыбнулась. Улыбнулась той новой, опасной Еве, которая теперь жила в ней, требуя выхода.

Глава 4. Возвращение в клетку

Три дня. Три долгих, бесконечных дня, которые тянулись вязкой, тягучей патокой, и каждый час, каждая минута, каждая секунда внутри Евы пульсировала одно и то же воспоминание. Она сидела на своём привычном месте в издательстве, перебирала бумаги, отвечала на письма, участвовала в планерках, но всё это делалось словно во сне — механически, бездумно, пока её сознание витало где-то далеко, в той ночи, где она была не редактором Евой, не примерной дочерью и не правильной женщиной, а просто телом, подчиняющимся чужой воле. Каждое движение, каждый разговор напоминал ей о том, что она теперь не та, что была раньше.

Она находила себя сидящей за столом с чашкой остывшего чая, глядя на монитор, на котором вместо рабочего документа был открыт пустой лист. Её пальцы сами тянулись к телефону, лежащему рядом, к той самой визитке, которую она переложила из сумочки в ящик стола, а оттуда — под подушку, а потом снова в сумочку. Она носила её с собой, как талисман, как доказательство того, что та ночь была реальностью, а не плодом её больного воображения.

Её подруги звонили несколько раз, пытаясь выяснить, куда она исчезла из бара, но Ева отмахивалась невнятными объяснениями — устала, плохо себя почувствовала, поехала домой. Она врала им, и эта ложь была лёгкой и почти неве-

сомой по сравнению с той правдой, которую она носила в себе. Правда заключалась в том, что она не могла перестать думать о нём — о его руках, о его голосе, о его теле, которое так уверенно и безжалостно брало её. Она просыпалась по ночам, чувствуя между ног влажное, пульсирующее тепло, и её пальцы сами скользили вниз, к набухшему клитору, воспроизводя его прикосновения, его движения. Она кончала с его именем на губах, и это было унижительно и сладко одновременно.

На четвёртый день она не выдержала. Она взяла телефон, набрала номер, который уже выучила наизусть, и замерла, глядя на светящийся экран. Её палец дрожал над зелёной кнопкой вызова. «Я не позвоню, — убеждала она себя. — Это было ошибкой. Я больше не увижу его. Это слишком опасно». Но внутри неё, глубоко, в той тёмной части души, которую она всю жизнь прятала, звучал другой голос. Тот самый голос, который шептал ей в баре: «Позвони ему. Ты хочешь этого. Ты всегда хотела этого».

Она нажала кнопку, и гудки в трубке показались ей оглушительными. Она слышала, как стучит её сердце, и казалось, что этот стук эхом разносится по всей квартире. После третьего гудка он взял трубку. Его голос — низкий, чуть хриплый, словно он только что проснулся или курил — прозвучал в её ухе, и по телу пробежала горячая, липкая дрожь.

— Ева? — спросил он, и в его голосе не было ни удивления, ни радости — только уверенное, спокойное ожидание.

Он знал, что она позвонит. Он ждал этого.

— Да, — выдохнула она, чувствуя, как её голос срывается на шёпот. — Это я.

— Я знаю, — ответил он, и она услышала лёгкую усмешку в его голосе. — Я ждал твоего звонка. Ты долго собиралась, Ева. Целых три дня. Это больше, чем я ожидал.

Она не знала, что ответить. Она чувствовала себя маленькой девочкой, которую поймали на том, что она трогает запретное. Её пальцы сжимали телефон так сильно, что побелели суставы.

— Я... я не знаю, зачем звоню, — выдавила она, но он перебил её.

— Ты знаешь, — сказал он, и в его голосе появилась та самая стальная, властная нотка, от которой у неё подкашивались колени. — Ты хочешь увидеть меня. Ты хочешь, чтобы я взял тебя снова. Ты хочешь сбежать из своей идеальной клетки, потому что ты поняла, что клетка — это не твоё место. Ты, Ева, рождена быть на коленях. И я готов дать тебе это.

Она молчала, чувствуя, как слёзы наворачиваются на глаза — от облегчения, от желания, от того, что он снова говорил эти слова, снова резал правду, которую она боялась признать.

— Когда я могу приехать? — спросила она, и голос её дрожал.

— Завтра вечером, — ответил он. — В восемь. Ты зна-

ешь адрес. Приходи одна. И, Ева, — его голос понизился до шёпота, интимного, почти ласкового, — надень что-нибудь, что тебе не жалко порвать. И без белья. Я хочу, чтобы ты была готова.

Она повесила трубку, чувствуя, как всё её тело горит от предвкушения. Она встала с кровати, подошла к зеркалу и посмотрела на своё отражение. Та же Ева, те же глаза, те же волосы, но внутри неё теперь жила другая женщина — та, которая ждала завтрашнего вечера, как самый важный день в своей жизни.

Она провела весь следующий день в каком-то странном оцепенении, не в силах сосредоточиться ни на чём. Она перемерила полгардероба, отбирая одежду, пытаясь понять, что больше подходит для того, что он задумал. В итоге она остановилась на коротком, чёрном платье из тонкого, струящегося шёлка — достаточно открытым, чтобы показать её плечи и ноги, но достаточно закрытым, чтобы сохранить хоть какую-то интригу. Под ним действительно ничего не было, и от этого ощущения — голой кожи под тканью — по её телу пробегали электрические разряды.

Она приехала в восемь вечера, ровно в назначенное время. Она позвонила в домофон, и дверь открылась без единого слова. Когда она поднималась в лифте, ей казалось, что её сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Она смотрела на своё отражение в зеркальных стенах и видела не испуганную женщину, а хищное, дикое существо, готовое сорваться в про-

пасть.

Дверь его квартиры была приоткрыта. Она вошла, и в гостиной горел только один торшер, отбрасывая мягкий, приглушённый свет. Андрей стоял у панорамного окна, повернувшись к ней спиной. Он был одет в чёрные брюки и обнажённый торс — широкие плечи, рельефная спина, татуировка на левом плече в виде сложного, запутанного узора. Он держал в руке бокал с тёмной жидкостью и, казалось, смотрел на огни ночного города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.